

АФРИКА

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 916+327

Цивилизационные контексты африканского регионализма

Ю. Н. Гладкий, В. Д. Сухоруков

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48*

Для цитирования: Гладкий Ю. Н., Сухоруков В. Д. Цивилизационные контексты африканского регионализма // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 38–55. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.04>

Рассматривается динамика африканского регионализма в контексте цивилизационной тематики. Целью работы является анализ и обобщение накопленного научного материала о прошлом и настоящем процесса регионализма в Африке, где тесно переплетаются процессы природного и общественного характера. Категория цивилизации выступает объяснительным принципом предметного поиска. В качестве главного исследовательского (методического) подхода используется геоисторическая реконструкция событийных картин и систематический взгляд на объект познания. Результатом работы стала развернутая картина современного африканского регионализма, отражающего специфику континентального геопространства. Представленные выводы могут способствовать дальнейшим научным поискам в этом направлении, а также содействовать формированию фундаментальной научной базы для анализа общепланетарной картины.

Ключевые слова: цивилизации Африки, африканский цивилизационный регионализм, макроформатный регионализм, региональные объединения Африки, локальный регионализм, этническая фрагментация Африки.

Качество серьезного политика (и политического дискурса), по мнению М. Вебера, во многом определяет не что иное, как «глазо-

мер», «дистанция по отношению к вещам и людям» [1, с. 646–648]. Учет этих категорий принципиально важен при оценке зримого вклада в науку (и, в частности, политологию) Ватаняра Саидовича Ягья — одного из наиболее ярких российских ученых-энциклопедистов, востоковеда-африканиста по «первоначальному призванию». Диверсификация его научных интересов, охватывающая вопросы мировой политики, истории, политической географии, лингвистики, литературоведения, экологии, поражает. При этом в любой отрасли научного знания его творческий подход непременно отличается соблюдением вышеупомянутой «дистанции по отношению к вещам и людям», искусным использованием как эмпирического, так и теоретического уровня познания и, разумеется, объективностью.

Свою лепту В. С. Ягья внес и в исследование заявленной авторами проблемы, имеющей отношение к современному африканскому регионализму [2–3]¹.

В литературе встречаются различные измерения термина «регионализм». Чаще всего он ассоциируется с региональной активностью населения, движением регионов, обладающих определенными специфическими свойствами, для решения социально-экономических и этнокультурных проблем с целью упрочения своего статуса в системе государства (или государств), сохранения своей самобытности и уникальности (самоидентификации), а также с интеллектуальными течениями².

В отношении африканского макрорегиона авторы апеллируют не столько к критерию различного рода интеллектуальных течений и доктрин, влияющих на пространственную дифференциацию общества, сколько к распространенному принципу территориальной организации экономических, социокультурных, политических сторон жизнедеятельности населения. Среди них — многообразные контакты этнических и религиозных групп, хозяйственная взаимо-

¹ *Дмитревский Ю. Д., Шахнович К. А., Ягья В. С.* Экономическая география стран Северо-Восточной и Восточной Африки: пособие для студентов. Л.: Изд-во Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1972. 24 с.

² *Гладкий Ю. Н., Сухоруков В. Д.* Экономическая и социальная география зарубежных стран: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «География». М.: Издательский центр «Академия», 2013. 400 с.; *Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И.* Регионоведение: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. 360 с.

дополняемость, политическая сплоченность и т. д. В любом случае в развитии процессов регионализма существенную роль (часто латентную) играет цивилизационное прошлое народов.

Современная Африка ассоциируется с периферией нынешнего техногенного мира. В ней протекают многочисленные деструктивные процессы, вызывающие глубокие опасения. Выходом из создавшегося положения может стать научно обоснованная региональная политика континента. Для ее разработки требуется глубокий анализ накопленного научного материала, касающегося динамики и особенностей африканского регионализма. Содействовать решению этой задачи является основной целью данной работы.

Теоретической основой исследования выбран геоисторический подход [1; 4–10]³, обеспечивающий целостное видение предметной научной картины. Понимание логики и специфики геоисторического развития Африки позволило выявить современные особенности изучаемого объекта и обозначить полученные результаты в виде систематических представлений. Для реализации этой задачи были использованы также информационные ресурсы, отражающие текущее положение дел в Африке [11, с. 369–388; 12–13]⁴.

Древние цивилизации Африки. Геоисторические ракурсы африканского континента убедительно свидетельствуют о чрезвычайно богатом, разнообразном и утонченном прошлом Африки. Вышесказанное дает основание говорить о специфике африканских цивилизационных очагов и их элементах, которые выступают общим знаменателем для культур и народов, населяющих данную часть света [5, с. 44–47]. Используя выражение «африканские цивилизации», авторы осознают его условность, поскольку большинство крупных социокультурных общностей континента, за исключением высоких цивилизаций Ближнего Востока, имели недостаточный набор необходимых признаков. Корректнее называть их протоцивилизациями.

Пространство африканского континента традиционно делилось на три части: средиземноморская (или европейская) Африка, бассейн

³ Также была использована: История Африки. Хрестоматия. М.: Наука, 1979. 383 с.

⁴ См. также: Гладкий Ю. Н., Сухоруков В. Д. Экономическая и социальная география зарубежных стран: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «География». М.: Издательский центр «Академия», 2013. 384 с.; Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Регионоведение: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. 360 с.

Нила (или Египет) и Африка к югу от Сахары (или «подлинная Африка») [14, с. 561]. На этом основании в Африке рассматриваются следующие цивилизационные зоны: египетская и берберская, возникшие в бассейне Нила и Северной Африке; кушитская (в южном бассейне Нила), а также западноафриканская (иногда называемая суданской), банту и койсанская, представляющие «подлинную Африку» [6, с. 295–297]. Все они являются предметом специальных научных исследований. Мы ограничимся лишь эскизами этих цивилизаций.

Особое положение среди всех цивилизаций Африки занимает Египет, назначение которого заключалось в том, «чтобы стать великим центром самостоятельной культуры» [14, с. 562]. Египет на протяжении своей длительной истории (в течение нескольких тысячелетий до арабских завоеваний) оказывал влияние на весь африканский континент и прилегающее Евразийское пространство [5, с. 295]. На парусных и гребных судах египтяне ходили вдоль берегов Средиземного моря, совершали далекие плавания по Красному морю на юг в страну Пунт, располагавшуюся в районе Африканского Рога⁵. Есть свидетельства, что египтяне заходили еще дальше — добирались до озера Чад, тропических лесов Конго и зеленых холмов Уганды [7, с. 39].

По мере того как Египет терял свое могущество, на цивилизационную арену выдвигался трудолюбивый и предприимчивый народ — финикийцы. Их роль как великих мореплавателей и торговцев была очень значительной. Постепенно им удалось освоить Северную Африку, основав могучий город Карфаген, чьи развалины сейчас являются главной достопримечательностью столицы Туниса. Предприимчивый дух и жажда добычи быстро расширяли и укрепляли позиции Карфагена в Африке. В V в. до н.э. было построено несколько крупных городов — колоний Карфагена. Самый далекий из них — Керна. Он был поставлен на таком же расстоянии к югу от Столбов, на каком к востоку от них находился Карфаген [10, с. 11].

В те века уже был освоен морской путь из портов Египта по Красному морю к выходу в Индийский океан. От Баб-эль-Мандебского пролива он пролегал на восток и юг двумя ответвлениями: вдоль африканского берега до мыса Гвардафуй и вдоль аравийского побережья в южный Иран и Индию. Ко II в. до н.э. эти маршруты продолжились до Занзибара и Юго-Восточной Азии [4, с. 197–198].

⁵ Путешествие в страну Пунт / История Африки. Хрестоматия. М.: Наука, 1979. С. 10.

В непосредственной близости от этих морских путей оказалось древнее Аксумское царство, возникшее в V в. до н.э. и существовавшее на территории современных Судана, Эритреи, Эфиопии, Йемена и Аравии. Аксумиты имели хозяйственные связи с Египтом, Римской империей, Южной Аравией, Индией и, возможно, Китаем [4, с. 107, 135; 7, с. 173]. Главными центрами Аксумского царства были порт Адулис и столичный город Аксум. Первый считался крупнейшим на морском пути из северной части Красноморья в Индию и Юго-Восточную Азию. Второй располагался к юго-западу от Адулиса и являлся культурно-политическим центром государства. Маршруты широтного направления связывали эти города с долиной Нила. Аксумиты также активно контактировали с народами к югу от своих земель, но неизвестно, как далеко они проникали вглубь Африки [8, с. 179–205; 9, с. 170]. Аксумское царство, сохранявшееся до середины Средневековья, представляло кушитскую протоцивилизацию, находящуюся под сильным влиянием Египта [6, с. 296].

Древнее происхождение также имеет берберская протоцивилизация, существовавшая в Северной Африке, Сахаре и отдельных районах Сахеля. От этой цивилизации сохранились лишь смутные предания [6, с. 295].

С VII в. н.э. на обширную территорию Северной Африки стали распространять свою власть арабы, жившие на Аравийском полуострове. В VIII в. они уже владели восточными, южными и западными берегами Средиземного моря, всеми берегами Красного моря и Персидского залива, северным побережьем Аравийского моря. Тогда же арабы открыли Коморские острова и вскоре достигли Мадагаскара. Они оккупировали восточное побережье Африки и стали посредниками в отношениях Африки, Европы и Азии.

Параллельно в Западной Африке, куда часто навевывались арабы, также существовали сильные государства и империи. Среди них наиболее мощным была Гана. Вскоре ее заменила империя Мали, а на смену ей пришла Сонгайская держава и Борну, долго сохранявшие господствующее положение в Западной Африке.

Восточная, Центральная и Южная Африка представляют зону протоцивилизации народов банту. На всем пространстве своего расселения они воспроизводили сходную социально-экономическую модель существования и отличались достаточно высокой общественной солидарностью [6, с. 297].

Койсанская протоцивилизация — наиболее слабая и «виртуальная» среди африканских культур. Она представляла собой визуализированное единство архаических племен Центральной и Южной Африки (до прихода народов банту). Их характерными признаками были охота и собирательство, а также использование особого автохтонного койсанского языка, который сейчас находится под угрозой полного исчезновения [6].

Разумеется, перечисленные цивилизационные зоны не отражают всей полноты культурно-исторической дифференциации континента. Зримые следы оставили многие локальные протоцивилизации: Ифе (к югу от суданской цивилизационной зоны), в недрах которой формировались цивилизации йоруба и бини; акано-ашантийская (к западу); мусульманская суахили (города-государства Момбаса, Килва, Ламу, Малинди, Пате, Софала и др., султанат Занзибар); зимбабийская (Зимбабве, Мономотапа, X–XIX вв.) и др. Однако вышеупомянутые зоны во многом определили основные контуры современной культурно-исторической дифференциации Африки.

Африканский цивилизационный регионализм сегодня. Оперировав понятием «современные мировые цивилизации», можно утверждать, что нынешнее пространство Африки представлено исламской, негро-африканской цивилизациями, а также отдельными очагами западноевропейской (например, на территории ЮАР в последние столетия развивались культура и искусство европейских колонистов-буров, то есть африканеров, а затем англичан).

Уязвимым звеном в данной логической цепи является тезис о негро-африканской цивилизации, существование которой нередко подвергается сомнению. Высказывается мысль, что вместо единой цивилизации имеется лишь «совокупность непохожестей». Есть основание квалифицировать подобное суждение как крайнее, не учитывающее того факта, что сходные исторические и природно-экономические условия сыграли роль своеобразного «синтезатора» в появлении многих общих черт в социальных укладах, искусстве, менталитете народов банту, манде и других.

Кстати, этой точки зрения придерживались многие авторитетные африканские интеллектуалы XX в., и прежде всего Леопольд Сенгор (Léopold Sédar Senghor) — политик, философ, поэт, первый президент Сенегала, видный деятель panaфриканизма, один из разработчиков теории негритюда (африканского духа). Он полагал, что африканскую цивилизацию определили такие факторы, как эмоцио-

нальность, интуиция, тесная связь с природой. «Водораздел» между африканцем и европейцем, по его мнению, лежит в психосоциальной плоскости: если «негро-африканская» личность ориентирована на эмоции и интуицию, то «эллинско-европейская» — на разум и рациональность [17, с. 34].

На наш взгляд, современный цивилизационный регионализм Африки правомерно рассматривать в рамках теоретических идей «конгломеративных обществ», характеризующихся длительным сосуществованием и устойчивым воспроизводством пластов разнородных моделирующих элементов и основанных на них отношений [11]. Авторы подобных идей обычно определяют конгломеративность как парциальный вид несистемной организации, противопоставляя африканские общества однородным обществам «системного типа» Запада. «Конгломеративность может невольно выступать как оппозиция системности, хотя конгломеративность может быть представлена и как вариант системности. Тем не менее оба типа обществ воплощают разные типы связей. Конгломеративность как единство существует на уровне соединения разнородностей, это единство через соразвитие разного, а не через слияние в одинаковом» [11, с. 170].

Поэтому сравнивать негро-африканскую цивилизацию с европейской — все равно что проводить параллель между системой, где тип взаимодействия образующих элементов носит диалектический характер, и конгломератом, где связи формируются на принципах параллельного соразвития. Хотя и в последнем случае обычно требуются все типы отношений, а отсутствие синтеза компенсируется консервацией исходных свойств.

Было бы ошибкой обе крупные африканские цивилизации относить к однотипному варианту конгломеративной (гетерогенной) организации обществ несистемной организации. Североафриканская исламская цивилизационная зона (арабская субкультура), несмотря на существующие внутрирегиональные коллизии, отличается большей схожестью типов связей, что обусловлено культурным наследием исламской цивилизации. Оно включает мечети и мусульманские школы (медресе), типы общественного хозяйства, традиции и обычаи, искусство и т. д.

Благодаря беспрецедентной экспансии «восход» ислама превратился в знаменательное событие мировой истории. «Арабские воины разнесли новую веру вплоть до Атлантического побережья

Африки. ...каждому народу, покоренному наступавшими мусульманами, предлагался выбор: принять ислам, протекторат или исчезнуть», — пишет патриарх американской политологии Г. Киссинджер [12, с. 135–136]. И главное для нашего контекста: «Области, которые мусульмане покорили..., считались единым политическим образованием — Дар-эль-ислам, “территория ислама”, царство мира» [6, с. 136]. Конечно, нельзя утверждать, что в странах Африканского Средиземноморья сегодня устоялись стабильные диалектические связи, которые имеют место в однородных обществах «системного типа», но уровень «связности» локальных обществ здесь неизмеримо выше, чем в Африке южнее Сахары.

Об этом отчасти свидетельствует мысль современного американского геополитика Р. Каплана (Robert D. Kaplan), навеянная «арабской весной»: «Первая фаза развития конфликта на Ближнем Востоке засвидетельствовала поражение географии из-за огромного влияния коммуникационных технологий. Спутниковое телевидение и социальные сети, бурлящие революцией в интернете, *создали единое пространство людей* (курсив наш. — Авт.), протестующих в арабском мире» [15, с. 17]. Формирование подобного пространства в странах Тропической Африки, несмотря на достаточно четко очерченную систему духовных и материальных ценностей, представляется сегодня утопической идеей. Отчасти это связано с тем, что здесь не сложились самостоятельные высокие религии, подобные мировым, не появилось техническое творчество, наука и т. д.

Конфессиональный регионализм тесно связан с цивилизационным, однако вряд ли стоит проводить между ними прямые параллели. В современной Африке большинство верующего населения многих стран за пределами арабского цивилизационного пространства (Чад, Сьерра-Леоне, Сенегал, Нигерия, Нигер, Мали, Кот-д’Ивуар, Союз Коморских Островов, Гвинея-Бисау, Гвинея, Гамбия, Бурунди и др.) исповедует ислам, но это обстоятельство еще не может служить надежным основанием для отнесения этих государств к мусульманской цивилизации.

Глубокий анализ африканских культур обнаруживает великое множество региональных (и внутрирегиональных) отклонений от цивилизационного «мейнстрима». Речь идет о субкультурах, отличающихся региональными (или социально ориентированными) системами ценностей, традициями, манерой поведения, языком, одеждой. Чаще всего они формировались на этнической основе,

но иногда носят социальный, профессиональный и, что встречается особенно часто, молодежный характер.

«Макроформатный» регионализм. Наиболее распространенным (хотя, к сожалению, малоэффективным) видом подобного межгосударственного регионализма в Африке является экономико-интеграционный. Казалось бы, он имеет косвенное отношение к этнокультурным, цивилизационным аспектам развития, но это не так. Как правило, объединения возникают именно в пределах очагов родственных культур, на территориях традиционных макрорегионов.

Создание в 1963 г. (еще до завершения процесса деколонизации) Организации африканского единства (ОАЕ) предопределило благие цели интеграции: образование зоны свободной торговли на континенте, введение единого внешнего тарифа, создание общего фонда стабилизации цен на сырье и т. д. Непреодолимые трудности, возникшие на пути реализации этих целей (слабые экономики, монокультурная специализация, узость национальных рынков, низкая платежеспособность населения и т. д.), побудили Экономическую комиссию ООН для Африки разработать план поэтапного развития регионального сотрудничества, в соответствии с которым весь континент был разделен на несколько географических зон (Северную, Западную, Восточную, Центральную и Южную Африку).

Специфика интеграционного процесса второй половины XX в. состояла в создании интеграционных объединений на базе бывших франкоязычных и англоязычных колоний, что больше соответствовало интересам метрополий, а не цивилизационным «корням» территорий. Даже в случаях, когда историческое прошлое, казалось, могло оказывать стимулирующее воздействие на интеграцию, возникали многочисленные дезинтегрирующие факторы.

Так, идея создания одной из старейших интеграционных группировок — панарабской организации «Союз арабского Магриба» (в составе Алжира, Ливии, Мавритании, Марокко и Туниса) — появилась еще в 1958 г., когда собрался Объединительный конгресс стран Магриба в Танжере. Реальный шаг в создании союза был сделан в 1964 г., когда Комитет постоянных представителей региона вплотную озаботился проблемами экономической интеграции. К сожалению, несколько десятилетий сотрудничества из-за многих центробежных факторов (слабо диверсифицированные экономики и экспорт, узость внутренних рынков, различия в уровнях развития

и т. д.) не привели к подлинной интеграции Магриба. Крайне негативно на развитие сотрудничества влияют политические коллизии последних лет между Марокко и Алжиром, Мавританией и Марокко, Ливией и ее соседями и т. д.

Наиболее богата постколониальная история создания интеграционных объединений (преимущественно франкоязычными странами по бассейнам рек) в Западной Африке, перечислять которые нет необходимости. Особые надежды возлагались на договор 1975 г. о создании Западноафриканского экономического сообщества (англ. *The Economic Community of West African States — ECOWAS*) в составе 16 франкоязычных и англоязычных государств (включая Нигерию как локомотива региона). Тогда речь шла об отмене взаимных таможенных пошлин в торговле; отмене препятствий на передвижение услуг, капиталов и рабочей силы; разработке совместных схем для развития транспорта, коммуникаций, энергетики и других инфраструктурных проектов; гармонизации экономической и промышленной политики стран-членов и даже ликвидации различий в уровнях развития.

Часть стран ЭКОВАС образуют сегодня Западноафриканский экономический и валютный союз (англ. *West African Economic and Monetary Union — WAEMU*) с общей денежной единицей франком КФА, который вначале был жестко привязан к французскому франку, а с 1999 г. привязан к евро. Увы, ни в переходный период (15 лет), ни позже, когда был принят обновленный договор ЭКОВАС (1995 г.), государствам — участникам интеграционного союза не удалось заметно продвинуться в реализации намеченных целей из-за больших трудностей. Последние обусловлены бедностью стран и различиями в подходах к решению проблем, дисгармонией законодательных норм.

Как было отмечено ранее, уровень цивилизационной «связности» локальных обществ в Северной Африке выше, чем в Черной Африке, однако приоритет в создании первого интеграционного объединения принадлежит Восточной Африке, где еще в 1920-е годы Кения, Танганьика и Уганда были объединены английской администрацией с образованием общего рынка и введением общей валюты. В последующие годы сообщество неоднократно распадалось и возрождалось вновь (уже в расширенном составе, включая Бурунди, Руанду и Южный Судан) из-за отсутствия общности политических интересов и этнической «комплиментарности» (по Л. Н. Гумилеву),

чрезмерных диспропорций между странами по объему валового внутреннего продукта, темпам инфляции, дефициту платежных балансов и т. д. Сказывалось также параллельное участие стран в других интеграционных союзах (Кения и Уганда входят сегодня в состав КОМЕСА и в Межправительственный орган по развитию Восточной Африки (ИГАД), а Танзания — в САДК) (см. табл.).

Таблица. Ведущие региональные объединения Африки (2015 г.)

Союзы/ Объединения	Дата создания	Государства — члены интеграционной группировки
Союз арабских стран Магриба (<i>Arab Maghreb Union — AMU</i>)	1964	Алжир, Ливия, Марокко, Мавритания, Тунис
Экономическое сообщество стран Западной Африки (<i>Economic Community of West African States — ECOWAS</i>)	1975	Бенин, Буркина-Фасо, Кабо- Верде, Гамбия, Гана, Гвинея- Бисау, Гвинея, Кот-д'Ивуар, Либерия, Мавритания, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сьерра-Леоне, Того
Экономический и валютный союз стран Западной Африки (<i>West African Economic and Monetary Union — WAEMU</i>)	1994	Бенин, Буркина-Фасо, Гвинея- Бисау, Кот- д'Ивуар, Мали, Нигер, Сенегал, Того
Восточноафриканское Сообщество (ВАС) (<i>Eastern Africa Community</i>)	1999	Бурунди, Кения, Уганда, Руанда, Танзания, Южный Судан
Таможенный и экономический союз Центральной Африки (<i>Economic Community of Central African States, фр. Union Douanière et Économique de l'Afrique Centrale — UDEAC</i>)	1966	Габон, Камерун, Конго, ЦАР, Чад, Экваториальная Гвинея
Трансграничная Инициатива (<i>Cross Border Initiative — CBI</i>)	1992	Бурунди, Замбия, Зимбабве, Кения, Союз Коморских Островов (Коморы), Мадагаскар, Мавритания, Малави, Намибия, Реюньон, Руанда, Свазиленд, Танзания, Уганда, Эфиопия, ЮАР

Союзы/ Объединения	Дата создания	Государства — члены интеграционной группировки
Таможенный союз стран Южной Африки (<i>Custom Union of South Africa — SACU</i>)	1969	Ботсвана, Лесото, Намибия, ЮАР, Свазиленд
Южноафриканское сообщество развития (<i>South African Development Community — SADC</i>)	1992	Ангола, Ботсвана, Замбия, Зимбабве, Демократическая Республика Конго (ДРК), Лесото, Маврикий, Малави, Мозамбик, Намибия, Свазиленд, Сейшельские острова, Танзания, ЮАР
Сообщество стран Сахеля-Сахары (<i>Community of Sahel-Saharan States</i> , фр. <i>Communaute des Etats Sahelo-Sahariens — CEN-SAD</i>)	1998	Бенин, Буркина-Фасо, Гамбия, Гана, Гвинея-Бисау, Гвинея, Джибути, Египет, Эритрея, Кения, Кот-д'Ивуар, Коморы, Либерия, Ливия, Мавритания, Мали, Марокко, Нигер, Нигерия, Сан-Томе и Принсипи, Сенегал, Сомали, Судан, Сьерра-Леоне, Того, Чад, ЦАР
Экономическое сообщество стран Восточной и Южной Африки (<i>Community of East and South Africa — COMESA</i>)	1993	Бурунди, ДРК, Джибути, Замбия, Зимбабве, Египет, Кения, Коморы, Ливия, Маврикий, Мадагаскар, Малави, Руанда, Свазиленд, Сейшельские Острова, Судан, Уганда, Эритрея, Эфиопия

Среди ныне существующих региональных объединений относительно высокой степенью экономической взаимозависимости стран-членов выделяется UDEAC, сформированный на базе административно-хозяйственных и экономико-правовых связей, сложившихся в период образования французских колониальных владений. Данный опыт экономической интеграции, несмотря на стандартные трудности, уже принес конкретные результаты: НПЗ в Габоне обеспечивает страны-участницы бензином, цементный завод в Камеруне — цементом и т. д.

Более эффективными процессы экономического регионализма оказались на Юге Африки благодаря патерналистской роли ЮАР — государства с развитой рыночной экономикой. Основываясь на стратегических документах Конференции по координации развития стран Юга Африки 1980 г., в 1992 г. здесь было создано Сообщество развития Юга Африки — САДК. Отличительной чертой этой организации является реализация конкретных проектов, реальное расширение транзитных связей, снижение барьеров в отношении движения рабочей силы и капиталов.

Локальный регионализм. Под ним авторы понимают региональные процессы на уровне отдельных государств и племен (см. рис.). Чаще всего они ассоциируются с движением этносов за экономические и политические права, природные ресурсы, против социальной дискриминации. В основе таких процессов лежит явление трайбализма (англ. *tribalism*, от *tribe* — племя) как формы племенной обособленности, часто сопровождаемой враждебностью по отношению к этническим группам. Чувственное самоопределение через этническую принадлежность — вовсе не удел прошлых эпох; жизнь африканцев слишком далека от того, чтобы быть полностью обусловленной внеэтническими характеристиками социального бытия. И здесь принадлежность к определенной культуре, соответствие цивилизационным «стандартам» играют значимую роль.

Пожалуй, наиболее яркий пример внутрорегиональной «фрустрации» XX в. в Африке связан с жестокими межэтническими распрями внутригосударственного характера в Руанде. Здесь в 1994 г. произошло массовое убийство населения тутси, осуществленное властями, представлявшими хуту. Жертвами геноцида, по разным оценкам, стали от 500 тыс. до 1 млн человек, среди которых тутси составили до 70%, остальные — умеренные хуту, выразившие недовольство правительством и репрессиями. И хотя убийства совершались жандармерией, военными группировками интерхамве и импузамугамби⁶, межэтнический, внутрорегиональный раскол в стране «законсервировался» на многие годы. Мало того, в конфликт в той или иной мере были втянуты Руанда, Уганда, Бурунди и Демократическая Республика Конго. Тутси и хуту, принадлежащие к одной языковой группе, несколько веков жили «бок о бок», но хуту — автохтонные земледельцы, тутси — преимущественно

⁶ Вооруженные ополчения хуту.

Рисунок. Этническая фрагментация Африки, стимулирующая процессы регионализма. Сост. по: [16]

скотоводы-кочевники, проникшие на территорию современной Руанды с севера в XVI в. Со временем тутси как владельцы больших стад крупного рогатого скота стали руандийской аристократией, что во многом и послужило причиной социальных коллизий.

Конфликтам на этнической почве часто сопутствуют процессы политического регионализма. Его специфический пример демонстрирует, например, одна из беднейших стран континента Исламская Республика Мавритания, которая после конфликта Сенегала, Гамбии и Нигерии с Ираном (из-за оружейной поддержки последним оппозиционных сил в этих странах) превратилась в опорный пункт иранской экспансии. Не только политическому, но и экономическому обособлению страны способствовал дипломатический кризис в отношениях с соседним Марокко, под чей контроль в результате вооруженного конфликта перешла большая часть Западной Сахары [13, с. 108–111]. Неслучайно следствием иранской экспансии

в Мавритании стал разрыв дипломатических отношений Марокко с Ираном.

Но и в самой Мавритании, как и во многих других странах Черной Африки, четко прослеживаются маркеры внутреннего регионализма. Так, до сих пор сохраняется вероятность конфликтов между маврами (основным населением) и проживающими в низовьях реки Сенегал племенами тукулёр, сонинке и волоф, а также «белыми» и «черными» маврами. По мнению Е. Я. Сатановского, «корень зла» таится в отношениях патриархального рабства, все еще сохраняющихся между людьми [13, с. 111].

Процессы регионализма без стимулов для развития. Геоисторические ракурсы африканского континента убедительно свидетельствуют о чрезвычайно богатом, разнообразном и утонченном прошлом Африки. Это позволяет говорить о специфике африканских цивилизационных очагов и их элементах, которые выступают общим знаменателем для культур и народов, населяющих данную часть света.

Нынешнее африканское пространство представлено исламской, негро-африканской цивилизациями, а также отдельными очагами западноевропейской культуры. Наиболее распространенным «макроформатным» (межгосударственным) регионализмом в современной Африке выступают экономико-интеграционные группировки. Однако, за редким исключением, их экономическая эффективность остается низкой.

Актуальной проблемой для Африки остается локальный регионализм, наблюдаемый на уровне отдельных государств. Он ассоциируется с движением этносов за экономические и политические права, природные ресурсы, против социальной дискриминации. В основе таких процессов лежит явление трайбализма, часто сопровождаемое острыми племенными столкновениями.

Современная Африка занимает особое положение в системе мировых координат. Страны и регионы континента продолжают существовать в основном за счет получения геосферной ренты и постепенно становятся мировым полюсом отсталости. Особенно тревожной является нарастающая угроза продовольственной безопасности стран континента. Поэтому основной целью Декларации тысячелетия ООН для Африки провозглашается поддержка и укрепление демократии на континенте, помощь африканцам в их борьбе за прочный мир, искоренение нищеты и устойчивое развитие, что

будет способствовать вовлечению Африки в основное русло мирового развития. Решение этих и других проблем континента во многом зависит от региональной политики, совершенствования общественных отношений, силы мирового сообщества и сознательности людей.

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
2. Ягья В. С. Эфиопия в новейшее время. М.: Мысль, 1978. 327 с.
3. Гладкий Ю. Н., Ягья В. С. Природные ресурсы Африки: (По странам и континентам) / Ю. Н. Гладкий, В. С. Ягья. М.: Знание, 1986. 48 с.
4. Вельгус В. А. Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейне Тихого и Индийского океанов (Китайские источники ранее XI в.) / отв. ред. Д. А. Ольдерогге, Р. Ф. Итс. М.: Наука, 1978. 302 с.
5. Дугин А. Г. Ноомахия: войны ума. Логос Европы. Средиземноморская цивилизация во времени и пространстве. М.: Акад. проект, 2014. 530 с.
6. Дугин А. Г. Ноомахия: войны ума. По ту сторону Запада. Китай, Япония, Африка, Океания. М.: Акад. проект, 2014. 551 с.
7. Дэвидсон Б. Новое открытие древней Африки. М.: Изд-во вост. лит. АН СССР, 1962. 315 с.
8. Кобищанов Ю. М. Аксум. М.: Наука, 1966. 296 с.
9. Кобищанов Ю. М. Северо-Восточная Африка в раннесредневековом мире (VI — середина VII в.). М.: Наука, 1980. 222 с.
10. Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий. М.: Просвещение, 1967. 714 с.
11. Богатуров А. Д., Виноградов А. В. Равноположенное развитие во внутренней и международной политике // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. М.: Изд-во МОНФ, 2000. 683 с. С. 369–388.
12. Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2016. 512 с.
13. Сатановский Е. Я. Котел с неприятностями: Ближний Восток для «чайников». М.: Изд-во «Э», 2016. 574 с.
14. Гегель Г. Феноменология духа. Философия истории. М.: Эксмо, 2007. 880 с.
15. Каплан Р. Месть географии / пер с англ. М. Котова. М.: КоЛибри, 2015. 384 с.
16. Murdock G. P. Africa: Its peoples and their culture history. New York, 1959. 456 p.
17. Сенгор Л. С. Афро-негритянское искусство // Афро-негритянское искусство. 1966. № 3.

Контактная информация:

Гладкий Юрий Никифорович — д-р геогр. наук, проф., чл.-корр. РАО;
gladky43@rambler.ru

Сухоруков Вячеслав Дмитриевич — д-р геогр. наук, проф.; suhor@herzen.spb.ru

Civilizational contexts of African regionalism

Yurii N. Gladkiy, Vyacheslav D. Sukhorukov

Russian State Pedagogical University,

48, Moika River nab., St. Petersburg, 191186, Russian Federation

For citation: Gladkiy Yu.N., Sukhorukov V.D. Civilizational contexts of African regionalism. *Digest of World Politics*, vol.10, ed. by T.S.Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp.38–55. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.04> (In Russian)

The dynamics of African regionalism in the context of civilizational themes is considered. The aim of the work is to analyze and summarize the accumulated scientific material about the past and present of Africa, where the processes of natural and social character are closely intertwined. The category of civilization is the explanatory principle of objective search. As the main research (methodological) approach is used geohistorical reconstruction of event pictures and a systematic view of the object of cognition. The result of the work was a detailed picture of modern African regionalism, reflecting the specifics of the continental geo-space. The presented deduced knowledge can contribute to further scientific research in this direction, as well as contribute to the formation of a fundamental scientific basis for analyzing the planetary picture.

Keywords: Civilizations of Africa, African civilizational regionalism, *macroformatted* regionalism, regional associations of Africa, local regionalism, ethnic fragmentation of Africa.

References

1. Weber M. *Selected Works*. Rus. Ed. Moscow, Progress Publ., 1990. 808 p. (In Russian)
2. Yagya V.S. *Ethiopia in the Latest Times*. Moscow, Mysl' Publ., 1978. 327 p. (In Russian)
3. Yagya V.S. *Natural Resources of Africa*. Moscow, Znanie Publ., 1986. 48 p. (In Russian)
4. Velgus V. A. *News of the Countries and the People of Africa and Sea communications in the basin of Pasific and Indian oceans*. Moscow, Nauka Publ., 1978. 302 p. (In Russian)
5. Dugin A. G. *Noomakhiya: Wars of Mind. Logos of Europe: the Mediterranean Civilization in Time and Space*. Moscow, Akad. proekt, 2014. 530 p. (In Russian)
6. Dugin A. G. *Noomakhiya: Wars of Mind. On that Side of the West. China, Japan, Africa, Oceania*. Moscow, Akad. proekt, 2014. 551 p. (In Russian)
7. Davidson B. *Old Africa Rediscovered*. Rus. Ed. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1962. 315 p. (In Russian)
8. Kobishhanov Ju. M. *Aksum*. Moscow. Nauka Publ., 1966. 296 p. (In Russian)
9. Kobishhanov Ju. M. *North-East Africa in the Early Medieval World (6 — the Middle of the 7th Century)*. Moscow, Nauka Publ., 1980. 222 p. (In Russian)

10. Magidovich I.P. *Essays on History of Geographical Discoveries*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1967. 714 p. (In Russian)
11. Bogaturov A.D., Vinogradov A.V. *Ravnopolozhenny development in domestic and international policy. Politicheskaja nauka v Rossii*. Moscow, 2000. Pp.369–388. (In Russian)
12. Kissinger G. *World Order*. Rus. Ed. Moscow, AST Publ., 2016. 512 p. (In Russian)
13. Hegel G. *Phenomenology of Spirit*. Rus. Ed. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 880 p. (In Russian)
14. Satanovskii E. Ja. *Pot with Troubles: The Middle East Beginner's Guide*. Moscow, E-Publ., 2016. 574 p. (In Russian)
15. Kaplan R. *The Revenge of Geography. What the Map Tells Us about Coming Conflicts and the Battle Against Fate*. Rus. Ed. Moscow, KoLibri Publ.; Azbuka-Attikus Publ., 2015. 384 p. (In Russian)
16. Murdock G.P. *Africa: Its peoples and their culture history*. New York, 1959. 456 p.
17. Senghor L.S. Afro-Negro art // Afro-Negro art, 1966, no. 3.

Author's information:

Yurij N. Gladkiy — Dr. Sci. in Geographical Sciences, Professor, Member Correspondent of the Russian Academy of Education; Gladkiy43@rambler.ru
Vyacheslav D. Sukhorukov — Dr. Sci. in Geographical Sciences, Professor; suhor@ Herzen.spb.ru